

Некоторые психологические аспекты восприятия и понимания в текстовой модели коммуникации

Рыскулова Гулжамал Уметкуловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры Кыргызского языка Джалал-Абадского государственного университета.

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с внешними факторами, которые имеют непосредственное влияние на восприятие и понимание человеком вербальную информацию в процессе реализации текстовой модели коммуникации. В частности, к числу таких факторов можно отнести ряд следующих условий внутреннего и внешнего характера как: социально-психологический аспект межличностной коммуникации, уровень знания ее участников, их социальные положения, взгляды, особенности мировоззрений и ряд не менее важных базовых факторов вербальной коммуникации.

Ключевые слова: Понимание текста, восприятие текста, воздействие, семантическое значение, психологическое состояние, речевая деятельность, коммуникативная ситуация, языковые средства, текстовая форма общения, основная единица коммуникации.

В языкознании понятие “текст” имеет как узкое, так и широкое значение и является основной единицей речевой коммуникации. Что касается восприятия и понимания текста, то их можно рассматривать с точки зрения лингвистики и психологии, на стыке которых появилась относительно новая научная дисциплина – психолингвистика.

Психолингвистика как самостоятельная наука сложилась относительно недавно. Основной чертой, отличающей ее от лингвистики, является, во-первых, фактор ситуации, в которой речевые высказывания конструируются и воспринимаются; во-вторых, фактор человека, производящего или воспринимающего речь [5].

При лингвистическом подходе к изучению текста ученого интересуют в первую очередь те языковые средства, с помощью которых выражается общий замысел и эмоциональное содержание текста. При анализе же текста с позиций психолингвистики в центре внимания оказывается языковая личность, процессы порождения и восприятия текста

рассматриваются как результат речемыслительной деятельности индивида, как способ отражения действительности в сознании с помощью элементов системы языка [2].

Общеизвестно, что лексические элементы языка группируются вокруг предложений, в контексте которых раскрываются их семантический и коммуникативный потенциал. В этом смысле текст представляет собой совокупность определенного количества предложений образующих в конечном счете содержательную целостность, механизм образования, восприятие и понимание которой являются основными вопросами психолингвистики.

По мнению большинства ученых-языковедов, (И.Р.Гальперин, Т.М.Дридзе, А.А.Леонтьев, З.Я.Тураева, О.Л.Каменская, М.А.Василина, А.И.Новиков и др.) межличностное общение, вообще процесс вербальной коммуникации реализуется посредством текста, который является результатом речевой деятельности, продуктом речевого процесса.

А в области кыргызского языкознания основные теоретические вопросы текста были исследованы в трудах таких ученых как С.Омуралиева, С.Мусаев, Б.Усубалиев, Т.Маразыков, А.Абдыкеримова, Т.Баястанова, по общему мнению которых, текст является основной единицей вербальной коммуникации в целом. Иными, словами в трудах упомянутых выше авторов текст рассматривается не только как результат процесса коммуникации, но и в качестве средством ее реализации и, следовательно, ни один текст не может существовать вне процесса коммуникации. Поскольку главной целью коммуникации является обмен информацией, т.е., общение, которое осуществляется исключительно посредством текста. В качестве основной единицы коммуникации, текст служит средством реализации таких лингвопрагматических задач как информирование, обмен информацией, разъяснение, познание, стимулирование и ряд других задач, которые обусловлены авторской интенцией.

А в трудах профессора С.Омуралиевой были исследованы вопросы, касающиеся содержательной целостности и глобальной связности в текста. По мнению автора, текст – очень широкое понятие. Поскольку он выходит за рамки структурной лингвистики когда речь идет о смысле и содержания, которые в структуре текста не рассматриваются в пределах отдельно взятых слов, словосочетаний и предложений. Следовательно, смысл и содержание в текстах, скажем в произведениях, обретают более масштабный, глобальный характер. Следует отметить, что упомянутые психолингвистические категории как смысл и содержание непосредственно связаны с процессом восприятия и понимания текста. понимание как психолингвистическая категория имеет диалогичную, сложную природу, исследованию которой были

посвящены труды многих авторов, к числу которых относится и ученый-психолог А.Р.Лурия, которым дается следующее научное толкование упомянутым выше понятиям: «Процесс восприятия и понимания текста представляет собой иерархическую систему, где в тесной взаимосвязи выступают низший, сенсорный, и высший, смысловой, уровни. Иерархичность осмысления текста выявляется в постепенном переходе от интерпретации значений отдельных слов к пониманию смысла целых высказываний и затем - к осмыслению общей идеи текста. Однако эти процессы - понимание отдельных слов и фраз - играют роль вспомогательных операций, так как, обращаясь к тексту, реципиент никогда не ставит перед собой задачу понять отдельные слова или фразы. Процесс понимания начинается с поисков общего смысла сообщения, с выдвижения гипотез и лишь потом переходит на более низкие уровни - сенсорные (распознавание звуков), лексический (восприятие отдельных слов) и синтаксический (восприятие смысла отдельных предложений)» [3]. В области общего языкознания о содержательной целостности текста бытуют схожие взгляды, в которых говорится о глобальной связности всех языковых единиц в пределах одной содержательной, коммуникативной и структурной целостности, т.е., в рамках одного текста: «Традиционно объектом лингвистического анализа является слово и словосочетание. Слово представляет собой основную структурно-семантическую единицу языка, которая служит для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности. Словосочетание также служит средством номинации предметов, явлений, процессов, качеств. Высказывание же как единица речевого общения учитывает коммуникативную ситуацию, в нем излагается позиция говорящего с учетом знаний и возможной реакции собеседника. Мы говорим не разрозненными словами и не отдельными фразами; все носители языка говорят только развернутыми текстами и наша речь включена в деятельность более высокого порядка, нежели просто речевое общение (ради общения).

Слова в реальном общении включены в предложения, в тексты и в ситуации. При этом семантика слов в тексте может значительно отличаться от семантики изолированных слов, поскольку в тексте слово получает свое основное значение и осмысление.

За интересом к тексту стоит интерес к языковой личности и образу мира человека, поскольку в каждом тексте проявляется языковая личность, владеющая системой языка» [7].

Из приведенных выше мнений следует, что языковые средства могут иметь конкретную реализацию и семантическую актуализацию исключительно в структуре текста, за которым стоит языковая личность его создателя. Понятие языковой личности занимает особое место в процессе восприятия и понимания вербальной информации в форме текста. Поскольку процесс восприятия и понимания текстов напрямую зависят от сознания и личностных особенностей адресата. Текстовое общение представляет

сложный процесс речевой деятельности, во время которого происходит взаимодействие языковых и экстраязыковых систем: социум - человек - речь - совокупность языковых проявлений и отображаемых ситуаций; порождение и восприятие единиц общения как компонентов текста. Безусловна коммуникативная значимость данного явления, которое имеет динамический характер, зависящий, прежде всего, от адекватной реакции коммуникантов на предложенные обстоятельства. Одним из условий успешного овладения многоаспектной семантикой текста, к числу которой следует отнести и психологическое содержание лексических компонентов его структуры, является выработка моделей порождения и восприятия речи [Назарова, 2014]. Таким образом, психологические модели порождения, восприятия и понимание вербальных текстов обусловлены рядом объективных и субъективных факторов, несовпадение которых может привести к непониманию, более того, к вербальной агрессии и, в конечном счете, к нарушению коммуникации. Различные до противоположности традиции и нормы, присущие разным этнокультурным общностям и профессиональным группам; схемы речевого поведения, социально значимые и усвоенные личностью с детства; условности и стереотипы, принятые в разных социумах; наконец, разные социальные роли, обусловленные различными социальным статусом, профессией, образованием и возрастом - все это потенциальные факторы конфликта. Любое из них может стать основанием для его возникновения при неблагоприятном стечении обстоятельств и определенных склонностях коммуникантов, обусловленных их психологическими особенностями и личностными качествами, в том числе.

Как отмечает Н.В. Уфимцева, в основании формирования сознания участников коммуникации «как специфического регулятора поведения человека лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы» [6]. Подобные конфликтные ситуации, возникающие в силу, как уже отмечено выше, разных социально-психологических факторов имеют свое яркое художественное отражение в произведениях и служат в качестве художественных деталей развивающих навал, конфликт и драматизм в архитектонике художественных произведений. В качестве иллюстрации приведем фрагмент из повести Ч.Айтматова «Прощай, Гульсары!», где описывается конфликтная ситуация, столкновение политических взглядов двух главных героев –коммуниста Танабая Бакасова и его друга председателя колхоза Чоро Саякова в сцене раскулачивание сводного брата Танабая:

На заседании в сельсовете, когда очередь дошла до Кулубая, Чоро сказал:

– Давайте, товарищи, подумаем. Раскулачивать его или нет. Такие, как Кулубай, пригодились бы и в колхозе. Ведь он сам из бедняков. Враждебной агитацией не занимался.

По-разному стали говорить. Кто «за», кто «против». Слово осталось за Танабаем. Сидел он нахохлившись, как ворон. Хоть и сводный брат, но брат. Идти надо было против брата. Жили они мирно, хотя и редко виделись. Каждый был занят своим. Сказать: не троньте его, но тогда как с другими быть – у всякого найдется защитник, родственник. Сказать: решайте сами – подумают, что в кусты прячешься.

Люди ждали, что он скажет. И оттого, что они ждали, в нем нарастало ожесточение.

–Ты, Чоро, всегда так! –заговорил он, поднявшись. – В газетах пишут о книжных людях, как их там, энтеллегенты. Ты тоже энтеллегент. Ты вечно сомневаешься, боишься, как бы что не так. А чего сомневаться? Раз есть в списке – значит, кулак! И никакой пощады! Ради Советской власти я отца родного не пожалею. А то, что он брат мой, пусть вас не смущает. Не вы, так я сам раскулачу его.

В начале данного эпизода описывается внутреннее переживание главного героя. Конфликт, сомнения происходящие внутри него постепенно переходят к вербальной агрессии, которая выражается в следующем обращении Танабая к Чоро: –Ты, Чоро, всегда так! –заговорил он, поднявшись. – В газетах пишут о книжных людях, как их там, энтеллегенты. Ты тоже энтеллегент. Ты вечно сомневаешься, боишься, как бы что не так (Ч.Айтматов, «Прощай, Гультары!»). Следует особо подчеркнуть, что сомнения относительно своей правоты перед сводным братом, а самое главное перед самим собой, не покидают Танабая и их описания в других последующих эпизодах служит одной из главных линий повествования в психологическом содержании данного произведения:

Были люди, у которых

с

Танабаем давно счеты. Он знал, что они теперь посмеиваются над ним втихую, и, завидев его, вызывающе глядит в лицо: ну как, мол, дела-то? Может, опять раскулачивать возьмешься? Только с нас теперь спрос невелик. Где сядешь, там и слезешь. У-ух, почему только не пришибло тебя на фронте!..

И он им отвечал взглядом: подождите, сволочи, все равно будет по-нашему! А ведь люди это не чужие, свои. Сводный брат его Кулубай –старик уже, до войны отсидел в Сибири семь лет. Сыновья тоже пошли в отца, люто ненавидят Танабая. И с чего бы им любить? Может, и дети их будут ненавидеть род Танабая. И имеют на то причины. Дело это давнее, а обида у людей живет. Надо ли было поступать так с Кулубаем? Разве не был

он просто справным хозяином, середняком? А родство куда денешь? Кулубай от старшей жены, а он от младшей, но у киргизов такие братья считаются как единоутробные. Значит, и на родство он посягнул, сколько разговоров тогда было. Теперь, конечно, можно по-разному судить. А тогда? Разве не ради колхоза он пошел на это дело? А надо ли было? Раньше не сомневался, а после войны думал порой иначе. Не нажил ли лишних врагов себе и колхозу? (Ч.Айтматов, «Прощай, Гульсары!»).

Как видно из приведенного фрагмента, мучительные сомнения и терзания главного героя были связаны не только с раскулачиванием своего сводного брата, но и с метаморфозами, переоценкой ценностей которые происходят внутри Танабая. Твердые, суровые, а порой беспощадные жизненные принципы Танабая вызывают у него же терзающие душу сомнения, которых он испытывает не только из-за своего поступка по отношению брату, но и из-за своих суждений о своем друге Чоро, даже из-за юрты “раскулаченной” им однажды юрты: ...*А умение дедовское забываем. Похоронили начисто старое ручное мастерство, а ведь в руках и душа, и глаза человека...*

Иногда вдруг находило на Танабая такое. Пускался в рассуждения о народном ремесле, негодовал и не знал, кого винить, что оно исчезает. А ведь в молодости сам был одним из таких могильщиков старины. Однажды выступил даже на комсомольском собрании с речью о ликвидации юрт. Услышал откуда-то, что юрта должна исчезнуть, что юрта – дореволюционное жилье. “Долой юрту! Хватит жить по старинке”.

И “раскулачили” юрту. Стали строить дома, а юрты пошли на слом. Кошмы резали на всякие нужды, дерево пошло на изгороди, загоны для скота и даже на растопку...

А потом оказалось, что отгонное живодноводство немислимо без юрт. И всякий раз теперь Танабай сам поражался, как он мог говорить такое, ругать юрту, лучше которой пока ничего не придумали для кочевья. Как он мог не видеть в юрте удивительное изобретение своего народа, где каждая мельчайшая деталь была точно выверена вековым опытом поколений? (Ч.Айтматов, «Прощай, Гульсары!»).

Из всего сказанного следует, что психологическое состояние коммуникантов является одним из основных факторов имеющих непосредственное влияние на процессы восприятия в текстовой модели коммуникации. Что касается письменных текстов, например, художественных произведений, то психология их восприятия и понимание включает в себя несколько уровней. Начальный, самый общий уровень понимания

свидетельствует о понимании только основного предмета высказывания — того, о чем идет речь. Второй уровень — уровень понимания смыслового содержания — определяется пониманием всего хода изложения мысли автора, ее развития, аргументации. Этот уровень характеризуется пониманием не только того, о чем говорилось, но и того, что было сказано. Высший уровень понимания определяется пониманием не только того, о чем и что было сказано, но самое главное — пониманием того, зачем это говорилось и какие языковые средства использованы [1]. Такое проникновение в смысловое содержание позволяет читателю понять мотивы, побуждающие писателя писать так, а не иначе, понять все, что подразумевает писатель, внутреннюю логику его текстового сообщения. Этот уровень понимания включает и оценку языковых средств выражения мысли, использованных писателем.

Список литературы

1. Айтматов Ч.Т. Повести. –Фрунзе, Изд. “Кыргызстан”, 1978.
2. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. - М., 2000:13.
3. Лурия А. Р. Речь и мышление. - М., 1975.
4. Психологическая семантика в структуре слова и текста: лингвокоммуникативный аспект.Тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 10.02.01. кандидат филологических наук Н.Ю.Назарова. –Тамбов . -2014.
5. Сахарный Л.В.Введение в психолингвистику.-Л.,1989.
6. Уфимцова Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. –М.:Институт языкознание РАН.
7. Текст как объект психолингвистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://intellect.icu/tekst-kak-obekt-psikholingvistiki-7241>.

{social}